

Эл Шейгец

Реквием по больному разуму

ЛитРес:
Москва

ISBN 978-5-532-05097-6

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
Ш36

Шейгец Э.

Реквием по больному разуму / Шейгец Э. — Москва: ЛитРес, 2022. — 102 с.

ISBN 978-5-532-05097-6

Вы фанат "Бойцовского клуба" Паланика? Тогда эта книга - точно для Вас! Темный и психологический роман Эла Шейгеца выстроен вокруг героя, страдающего дистимией. На протяжении повествования Александр Детройт всё меньше отдает себе отчет в своих действиях и всё больше превращается в сумасшедшего. Знакомство и общение со странной девушкой, представившейся как Алёна Пажощце, остаётся его последним оплотом. Эл Шейгец воплотил в этой книге волю к жизни и знаниям, пустоту отчаяния, желание и неспособность изменить неизбежное, боль и радость, счастье и беспросветную тьму. Это - очень глубокий и проникновенный роман.

Часть 1 «Обманутый»

«Я мечтал о тебе, я желал твоего существования...»

Адриано Челентано

«Я не уверена в том, что меня за это не посадят»

А. Пажощце

"1"

Холодная, неприятная и давно уже чужая рука обнимает меня сквозь сон. Я знаю обо всех её изменах, но даже и не думаю их разоблачать. Потому что мне уже наплевать. Мария. Эта женщина была первой в моей жизни, она же стала той, кто её оборвал... Она была когда-то красивой и яркой, загадочной и неповторимой, однако по истечении десяти лет брака, уничтоживших нас, она пала ниже, чем может пасть женщина. Эта несостоявшаяся Дева Мария, неблагочестивая Мария Магдалина, падкая до чужой плоти.

Третий год я мучился депрессией, и теперь могу сказать со страшной обычному человеку уверенностью – я мёртв. Позвольте представиться – Александр Детройт. Моё имя русское, фамилия досталась от американца-отца. Я его не знал, но это даже к лучшему, потому что неизвестно, как бы он выжил здесь – на огромном куске Земли под названием Россия.

Высвободившись из тяжёлых объятий, я встал, оделся и вышел из комнаты, небрежно прикрыв дверь, зная, что жену мою после очередных ночных приключений шум не разбудит. А если и разбудит, то, увидев пустое место рядом с собой, она только обрадуется. Нас ничто не связывало. Нет, нет, ничто. Было мерзко сознавать, что когда-то давно я позволил себе влюбиться.

Не было и нет больше мест, которых я не видел бы в своём маленьком городе, но теперь, когда жизнь моя была на грани, я просто шёл в ночь, невзирая ни на страшную душевную грусть и обиду, ни на то, что завтра придётся идти на работу к начальнику, которого я ненавидел, ни на то, что часовая стрелка замерла на тройке. Район, в котором я, так сказать, "обитал", был далеко не самым худшим, но, прямо скажем, хреновым. Что вы думаете в первую очередь, когда, просыпаясь утром невообразимо для вас рано, плететесь

из дому, потому что мир без вас не справится? Верно. Все раздражает. Хочется утонуть в сладких объятиях одеяла и не двигаться... И успокоить собственную душу, что уже ничего не просит. Моя жизнь была наглядным пособием по инфантильности, банальности и невежеству. Я был слишком сложен и оттого чрезвычайно прост. Я ничем не отличался от миллионов других, и, наверное, так бы и умер под покровом своей собственной ночи, но... Но в этот день изменилось все.

Не знаю, что движет нами, когда мы в отчаянии. Возможно, инстинкты. Да, как правило, в таком состоянии люди и следуют самым низким и пошлым инстинктам, потом жалеют, но уже поздно. Какой инстинкт двигал мною в ту ночь? Не знаю. Я пришёл в ночной клуб, чтобы напиться, да, цель моя была проста. Я забываюсь, когда много пью. Обычно люди в этом случае становятся агрессивными или перестают вообще что-либо осознавать, на меня же алкоголь действовал тонизирующе. Все проблемы уходили, течение мыслей становилось плавным и ленивым, я мог расслабиться, стать спокойным, поговорить о насущных вещах, чего там – думаю, при правильном потреблении выпивки она бы даже повышала мою работоспособность. Но не время рассказывать о том, что творило со мной то адское холодное зелье, ведь... Когда я зашёл туда, то мысленно (а, может быть, даже и вслух) выругался, поскольку свободных столиков просто не оказалось, несмотря на очень поздний час. Хотя три часа ночи для клуба – это рано. Самая грандиозная вакханалия распространённых смертных грехов человеческих начинается здесь именно в это время, а заканчивается рано утром, после чего её участники на время забывают друг о друге, вновь превращаясь в офисных клерков, в официанток, в механиков и работников банков, притворяясь теми, кем их хотели бы видеть родители. Но нет. Вот они – настоящие. Здесь и сейчас, как ни прискорбно. Я не имею права их отчитывать... Ведь я тоже сюда пришёл.

Никогда не любил пить в компании. Но делать было нечего – стоило выбрать своего собеседника. Мое сознание мгновенно отобрало для меня трёх кандидатов – знойную блондинку у края стойки, угрюмого старика совсем рядом, и молодого парня, который разговаривал

по телефону, очевидно, убеждая свою подругу, что он давно спит. Хах. Ну что же, первые два варианта отпадают – я не в настроении становиться слушателем или любовником, мне нужен просто сосед. И я направился к третьему человеку. Он явно был моложе меня и выглядел свежо, словно недавно пришёл в этот мир. Этому было объяснение – как только я его в первый раз увидел, то понял, что у этого человека стойкий и необычный характер.

Он был в тёмных очках. Какому нормальному человеку в три часа ночи, в помещении светит солнце? Короткая и модная стрижка, эффектно уложенная, явно недешевая одежда, уверенные движения. Да, с этим было бы не скучно провести остаток ночи. Подсев к нему, я не сразу начал разговор. И это было ни к чему – он сам начал:

– Удивительная ночь, не правда ли, коллега?

Я был удивлён. И почти сразу ответил:

– Ты это брось. Я не твой босс, и не коллега. А ночь отвратная.

Незнакомец снял свои очки, аккуратно сложил, и, положив их на стол, продолжал:

– О, как же мне нравится этот подход. Ладно, урок усвоен. Почему ты находишь ночь отвратной? Я люблю ночь, здесь есть... На что посмотреть, – двусмысленно ухмыльнулся он, поглядывая на каких-то женщин у стойки.

Когда вы разговариваете с малознакомым человеком, вам всегда важно занять чем-то руки, просто чтобы выглядеть естественнее. Вот и я стал двигать пепельницу.

– Знаешь, давно я на это не заглядываюсь, – сказал я.

– Что же мешает?

– Ничего. Совсем...

– О... Ясно. Тогда закажем виски. И виски. И много-много виски. Это позволит...

– Подожди, – настороженно оборвал его я. – Я тебя совсем не знаю, и...

– Дмитрий. Димон, если хочешь.

А потом я очнулся... Я открыл глаза в своём доме, разгромленном, выглядящем так, словно те демоны, что пожирали моё подсо-

знание, наконец вырвались на свободу. О, милый друг, ты не представляешь, как многого я смог бы избежать, если бы тогда знал правду. Но я забегаю вперёд – нет, нет, нет, так нельзя.

Однако это утро стало для меня приятным. Я ощутил это ещё до того, как открыл глаза. Первое чувство... Ломай каноны. Не было первого чувства. Его не было.

Наконец-то...

Не было депрессии. Завеса, убивавшая меня так долго, рухнула.

Но почему?

Почти сразу же после того, как я встал, я начал припоминать события этой ночи и вот что я вспомнил:

" Похоже, что виски был на удивление высокого качества, потому что я никогда не пребывал в такой эйфории. Я сам себе противоречу, но что делать, ведь так устроен мир. Я даже был не спокоен. Я был счастлив. Несколько рюмок спустя разговор принял совершенно псевдологическое течение. Это было нечто среднее между религиозным диспутом и выпуском криминальных новостей. Официенно.

– Человек создан, чтобы созидать и разрушать, так почему наше общество мешает ему... этим заниматься? – уже с трудом говорил Димон.

– Ты прав... Ты, как всегда, прав... Надо ещё выпить... – ответил я.

– Я ведь вижу потенциал. Ты мог бы... Пр-пригодиться. Вот тебе моя карточка... Позвони...

– Ага. За созидание!

– За него".

Разумеется, после такой знатной пьянки я не мог восстановить все события, но был один момент, на который я сразу обратил внимание – записка жены. Грязный клочок бумаги, исписанный ручкой. Содержание его было слишком простым, не стоит его здесь приводить, а суть была в том, что, Маша уходит от меня, потому что я стал "невменяемым и слишком ревнивым". Забавно, ведь, оказывается, у этой женщины все-таки было какое-то подобие такта – она не сказала ни слова о том, что я вернулся пьяным. Знала, что и сама иде-

альной никогда не была. Мысленно послав жену ко всем чертям, я ощутил настоящее удовлетворение.

Нет депрессии.

Свобода.

У меня даже не болела голова, как ни странно. Весь мир пестрел красками, мне хотелось дышать. Я посмотрел на часы и с удивлением отметил, что сейчас всего лишь 7 утра. На работу мне надо было к десяти, но тогда я почему-то даже и не подумал об этом. Я вспомнил о Димоне. Карточка. Карточка! О, неужели это будет нечто новое? Я стал рыться в карманах, надеясь, что найду... Как же мне хотелось почувствовать, что это не сон и не жалкая игра моего больного воображения... И поиски мои быстро увенчались успехом. На серой пластинке было чётко выведено: «Зимаков Дмитрий Андреевич». Ни должности, ни каких-либо других сведений, кроме контактного телефона, больше не было. Пожав плечами, я взялся за свой Xiaomi, и начал набирать номер, даже и не подумав о том, что час ранний, и человек, возможно, ещё спит. В голове стучала лишь одна фраза: сегодня, 18-го июня 2017-го года я вернулся к жизни.

– Алло, – на удивление быстро и бодро сказал знакомый голос.

– Доброе утро. Я Саша.

– Саша? Какой Саша?

– Александр. Мы познакомились в ночном клубе вчера... Вернее, сегодня.

– Что... А-а, точно-точно. Привет, – ответил он.

– Привет. Ты вроде говорил со мной о работе, и... – начал я.

– Не сегодня, мой друг, не сегодня, слишком занят. Завтра вечером – у гаражей.

– Гаражей? Что мы будем...

– Ты все узнаешь, о 'кей? Просто приходи, – оборвал Дмитрий меня ещё раз.

Вызов был завершён. "Странно... – подумал я, – это странно, но к странностям я был готов".

«2»

Я должен был собираться в офис. Мне нужны были душ, завтрак, костюм. Но... собираться я не хотел. Да, за прогулы строго наказыва-

вали, но неужели вы все – всего лишь рабы своего дела? Я никогда не прогуливал. И именно это обстоятельство ещё больше толкало меня нарушить устоявшуюся привычку – я хотел ощутить, каково это – быть нарушителем. Каково это – проснуться рано утром, понять, что не хочешь идти на работу, и – не пойти? Я вот не знаю. Хочу узнать.

Я мылся не спеша. Сегодня мне некуда было спешить. Я чувствовал, как горячая вода смывает с меня остатки моей нерешительности, моей инфантильности. Хотелось быть нужным миру. Когда я закончил, я надел простую одежду и вышел из дому. Похмелья не было. И у Дмитрия, судя по его голосу, тоже. Как в 18 лет. Мне снова 18. Я пришёл в кафе. Это было особое кафе – моё любимое. Оно открывалось очень рано, но в это время там почти никого не было. Когда я зашёл, там было всего четыре человека – двое молодых мужчин за одним столом, с большим рвением уминавших свой завтрак, ещё один, постарше, сидел в одиночестве и что-то читал. И была одна девушка, смотревшая телевизор. По нему показывали боксёрский поединок, очевидно, ещё вчерашний. Кто дрался? Ну... А, к черту, зачем гадать, ведь я совершенно в этом не разбираюсь. Один из боксёров сделал апперкот и нокаутировал своего соперника.

– Да, – торжествующе прошептала девушка.

Я подмигнул и ответил ей:

– Отличный удар!

Она слегка улыбнулась и сказала:

– У него не бывает плохих.

Немного погодя она снова на меня посмотрела, подняла вверх два пальца и представилась:

– Алена Пажоще.

Я оглядел её. Невысокий рост, очки, прямые чёрные волосы до плеч, чёрные брови и ногти того же цвета. Над правой ключицей татуировка с сердцем, а в языке пирсинг. Кожаная куртка, джинсы, кеды, рюкзак. На вид около двадцати лет. Да, безусловно, у неё было другое имя.

Забегая вперед, немного об Алене:

Девушка неформального образа жизни. Вкусы: мрачная литература, бургеры, бокс. Она испытывала рвотные позывы от аниме

и просто на дух не переносила розовый цвет. Развлекалась же в основном тем, что стебалась над человеческим идиотизмом, а также примерно раз в неделю посещала врачей, сводя их с ума своими выходками. Они перекидывались ею, как футбольным мячом, но вот незадача – Алене было совершенно все равно, кому выносить мозг. Впервые принимая её, новая женщина-терапевт задала ей вопрос:

– Что у вас болит?

Алена же, глубоко вздохнув, и проведя ногтями по груди, томно и с фальшивой болью отвечала:

– Душа...

Когда невропатолог расспрашивал Пажощце о природе её заболевания, она качала головой, и отвечала, вводя врача в ступор:

– Все мы больны. Я прямо чувствую, как умираю. Как умираете Вы. Вы умираете, доктор.

А случайно поймав в коридоре хирурга, она говорила:

– Неужели же Вы, человек такой важной профессии, не можете набраться смелости предложить даме руку и сердце? У вас же навалом этого добра, доктор, так почему же?

Хирург шарахался в сторону, а Алена удалялась с хохотом в следующий кабинет.

И наконец, кабинет психотЭрапии – самое любимое. Все потому, что она сама превращалась в психотерапевта:

– Вы даже не представляете, душечка, как я устал от всего этого, от никчемной, лишенной всякого смысла жизни! – пламенно декламировал врач, – о, ведь Уильям Шекспир давно нам сказал: "Я клялся – ты прекрасна и чиста, а ты как ночь, как ад, как чернота..." – врач говорил последние слова со слезным надрывом, а потом и вовсе начинал рыдать, слушая советы, которые давала ему Алена.

Да, такой она была. Но тогда я этого ещё не знал.

Мы вместе вышли на улицу. Там мы разговорились, бредя в одном направлении:

– Ходила на интервью в магазин бытовой техники, – рассказывала девушка, – пьяный мужик у входа с огромным фингалом под глазом попросил 50 рублей на воду, ну, а так как я люблю офигенные диалоги с такими индивидами – дала ему 10 рублей ради того, чтобы

послушать, сколько на самом деле зарабатывают продавцы-консультанты в том месте и как там всех обставляют. Я думаю, чувак шарит. Не зря же он бомж.

Думаю, ещё вчера я бы и не приблизился к ней, а сейчас я слушал, не отрываясь. И все в этой девушке было неформальным, загадочным. Было что-то такое, что вызывало неподдельный интерес. Думал ли я тогда, что знакомство ней повлечет за собой такие последствия? Нет. Однако в ту секунду я забыл о ней, поскольку увидел мужчину, приближавшегося ко мне. Он смотрел недружелюбно, а когда подошёл, будто бы случайно задел меня плечом. Я обернулся и понял, что за мной стоят ещё два человека и передо мной – тоже.

Они остановились. Я остановился. Я попытался рассмотреть их детально – старая привычка. Они выглядели так, будто собирались идти на митинг и излучали агрессию, словом – в моей крови стал автоматически выделяться адреналин...

– Бродить в одиночку здесь не принято, кореш, – ухмыльнулся один из них, – это наш переулочек.

В одиночку? Алена исчезла, верно... Я даже этого не заметил.

Они начали разминать мышцы. Драка. Я не умею драться.

Я ведь только что смотрел бой? Нет, это не поможет.

Решив, что не могу стоять просто так, я все-таки резко двинулся вперед, вознося руку для того мощного телевизионного удара, но мой маневр был раскрыт: цель моего нападения отстранилась, а затем перехватила мою руку и повалила меня на землю. Я захотел встать, но получил сильный удар ногой в живот. Боль, пронзившая мой желудок, была невыносимой. Остальные обступили меня и стали бить, пока я не потерял сознание.

Я никогда не любил ждать. Ожидание – самое ужасное, что происходит в нашей жизни. Строго говоря, кроме него в этой жизни очень часто ничего и не происходит. Именно поэтому некоторое время, проведенное в бессознательном состоянии, сократило время ожидания встречи с Димом. Ну и слава Богу или что там живёт в облаках... Когда я, наконец, очнулся, я посмотрел на часы и увидел: 9:43. На работу, что ли, пойти?
